

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72
УДК 82-1/-9

«АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ РОКК»: ГЛАВКОМ РККА С.С. КАМЕНЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Описываются историко-политические прототипы, послужившие материалом для создания ярких и запоминающихся образов в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: А.С. Рокка (главком Рабоче-Крестьянской Красной армии С.С. Каменев), Полайтиса (маршал М.Н. Тухачевский), Шукина (А.И. Егоров), «рыжеусого шофера» (талантливый ученый-изобретатель, инженер III ранга П.К. Ощепков). Определяются театральные жанровые источники, повлиявшие на создание образов: мистерия, фарс, буфф, пантомима. Исследуется сатирическая, гротескная природа текста. В рамках фарса и буффа рассматривается Первый Московский процесс, в орбиту действия которого попадают прототипы. Затрагиваются вопросы композиции и жанра, ставится проблема атрибуции повести. К источниковедческой базе произведения добавляются: оккультный роман А. Кроули «Лунное Дитя», рассказы А. Шнитцлера «Рок», У. Аллена «Роковой опыт», Р. Маркети «Изобретение профессора Картера», Р. Пресбера «Последний пир последнего из Бирковичей», Б. Лавренева «Отрок Григорий». Используются отсылки к знаковым системам египетской «Книги мертвых» и сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Раскрываются игровые возможности модернистской прозы.

Ключевые слова: мистерия; мистификация; буфф; фарс; сказ; гротеск; С.С. Каменев; М.Н. Тухачевский; А.И. Егоров; И.В. Сталин

Окончание. Начало в т. 4, № 15.

Облачение маршалов выглядело смехотворным, таким же, как и их главкома. С одной стороны, «25-зарядный поясной пулеметик» выдавал в Полайтисе советского военного самокатчика, элитного воина с довольно редким вооружением – 25-зарядным автоматом Федорова, бывшим на вооружении спецвойск в 1920–1928 гг. и в 1940 г., с другой – немецкого мотоциклиста 1934–1938 гг. В 1934–1938 гг. универсальный германский пулемет G-34 (находящийся в массовом производстве с 1934 г. вплоть до окончания Второй мировой войны) в ручной модификации использовался с отдельными обоймами по 25 патронов в каждой. Если же посмотреть на такие детали облачения, как охотничий рожок и желтые гетры (советские самокатчики носили сапоги), то карикатура на «врагов народа» получалась исключительно блестящая – так выглядели фельдъегеря, военная полиция вермахта. А то, что немецкие фельдъегеря с «врагами народа» могли находиться в отношениях, что называется, на «ты», можно было не сомневаться – М.Н. Ту-

хачевский и А.И. Егоров бывали в должности командированных в Германию и принимали активное участие в военном сотрудничестве между странами.

«Врагами народа» тогда становились многие: военные, врачи, ученые, политики, но только формулировка «военно-фашистский заговор» могла усугубить степень вины подсудимого и привести к неминуемому расстрелу. Причины могли быть следующие. В условиях второй половины 1930-х гг. заговор осложнялся вхождением его представителей в группу создателей новой военной доктрины – теории «глубоких форм военных действий», варианта советского оборонительного блицкрига. В художественной литературе эта теория была великолепно отражена в довоенном романе Н.Н. Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне» (1939) – осмысленном отражении идеи ведения крупномасштабной европейской войны. А это настораживало и даже пугало. Добавляло страха создание заградительной завесы под аббревиатурой ПВО (противовоздушная оборона): универсальной системы, состоящей из средств радиолокации, истребителей-перехватчиков,

зенитно-ракетного комплекса и прожекторов. Руководителем ракетных испытаний стал бывший подчиненный С.С. Каменева по Западному фронту, заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский, а вот командовать всеми подразделениями ПВО с 3 января 1936 г. по приказу наркома обороны пришлось бывшему главкому. Опыт, напомним, имелся – начиналась карьера С.С. Каменева с должности военрука заградительной завесы на Смоленщине. В обстановке строжайшей секретности на полигоне под Москвой и ее окраинах устанавливалась техника, завозились прожектора, аэростаты, размещались подразделения воздушного наблюдения, оповещения и связи, разбивались площадки для самолетов-перехватчиков, в образованном «Опытном секторе ПВО по разведке и наведению» велась активная работа по созданию первого советского радара.

В истории военной техники радар получил секретное название «Ревень» и начал разрабатываться инженером 3 ранга П.К. Ощепковым в границах пункта противовоздушной обороны Москвы под личным наблюдением начальника Управления ПВО командарма 1 ранга С.С. Каменева. Первоначально прибор состоял из трех ящиков (излучатель, приемник, устранитель помех) и антенны, мог переноситься одним–двумя людьми и принадлежал к однопунктным устройствам наведения. В августе 1936 г. С.С. Каменев неожиданно умер, «опытный сектор» передали в Техническое управление Рабоче-Крестьянской Красной армии, а П.К. Ощепкова в июле 1937 г. арестовали по «делу М.Н. Тухачевского» [1]. Насколько тяжелы были обвинения его в антигосударственной измене, можно было судить по тому факту, что реабилитирован он был «лишь заключением Прокуратуры СССР от 5 октября 1989 г., а также заключением Главной военной прокуратуры от 13 ноября 1992 г.»¹.

Где же мог располагаться трехкамерный прибор Каменева–Ощепкова? Не имея документальных данных и понимая, какой секретностью обладала военная операция по развертыванию новой системы обороны – средств ПВО, можно только предполагать и

догадываться. В чем нам и может помочь повесть М.А. Булгакова. Усадьба Шереметевка и деревня Концовка, куда привозят на грузовичке три камеры Персикова, в реальности находилась не в Смоленской области, а в Московской, точнее, на окраине Москвы. Мы имеем в виду усадьбу Шереметево в Останкинском районе, вошедшем в состав Москвы в конце XIX века. Доводы здесь следующие. Во-первых, Останкино является центром российской космонавтики, в нем до сих пор располагаются предприятия по производству ракетного оборудования. Во-вторых, усадьба графа Шереметева имеет пруд, оранжереи и теплицы, где в старину выращивались цветы и различные экзотические фрукты. В-третьих, деревня Концовка у М.А. Булгакова, как писателя-модерниста, по смыслу производится из названия: Останкино = останки + но = Концовка. И наконец, в-четвертых, Шереметевский дворец славился тем, что он был построен по проектам лучших театров XVIII века, – его владелец Н.П. Шереметев создал уникальный музыкальный театр-усадьбу. Безусловно, М.А. Булгаков, завзятый театрал, не представляющий театра без музыки, не мог не оценить такого архитектурного шедевра. Кстати, первая музыкальная пьеса, опера «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила» (1795) на слова П. Потемкина и музыку О. Козловского, воспроизводила историю счастливой любви полковника Смелона и красавицы-турчанки, – и заканчивалась общими танцами русских, турок и турчанок. Чем не пародировала эту всеильную любовь шутовская пара – Рокк и задуманная в зарослях у пруда Маня (по сути в парке усадьбы Шереметева)? В черную шутку, тот же музыкальный жанр – опера – и танцевальный жанр – вальс – сопровождали теперь ее трагический конец.

Велика сила театра. Когда писались «Рокковые яйца», еще не были забыты поиски символистами театра-храма, дарующего преобразование человека по законам религиозного действия, теургов, способных изменять ход человеческой истории. Первая мировая война и революции разрушили эти надежды. Театр, как средство преобразования человечества в постсимволизме, перестал существовать. Поэтому открытие, совершенное Персиковым, превратилось в экзерсис символистской

¹ Ощепков Павел Кондратьевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ощепков,_Павел_Кондратьевич (дата обращения: 22.03.2018).

идеи: профессор стал не теургом, а «лукавым демиургом», автором «противосотворения» мира» «с пагубными последствиями» [2, с. 124], и он же разбудил старый античный рок в лице советского Рокка, трикстера, закаляющего прочность нового государственного строя шутовской жертвой.

Александр Семенович и вести себя в Шереметевке стал по-новому, – неузнаваемо преобразился внешне и внутренне. Он снял старую одежду, в которой был – черную кожаную двубортную куртку с зелеными штанами и красноармейскими штиблетами (какую должен был носить С.С. Каменев в качестве военного руководителя Невельского района Западной завесы), оставил допотопный маузер (ввиду его ненужности в новых стратегических условиях) и попытался преобразить мир магическими средствами – игрой на флейте и снесением экзотического яйца.

Но вместо преображения вышло «великое освобождение» – выход подземного мира на поверхность. В повести этот выход имеет все намеки на мистерию освобождения, свершающуюся в египетской «Книге мертвых» и ее сказочной версии из «Тысячи и одной ночи».

С египетской «Книгой мертвых», следует сразу отметить, связан персонаж Птаха-Поросюк. Птаха-Поросюк – чиновник, которому принадлежит незавидная роль оккультного манипулятора в деле с импортными яйцами. По первой части его фамилия является аллюзией на бога древнего Египта Птаха. Во времена, предшествующие культу Озириса, этот подземный бог правил бал в пространстве подземного мира – в ритуале погребения. В египетской «Книге мертвых», которую получило в духовное наследие современное человечество, его спутниками являлись огромные змеи, крокодилы и страусы, то есть те же самые рептилии и птицы, которые делали кладки в «Роковых яйцах». Причем змеи, встречающие новоиспеченную душу, являлись самыми опасными существами. Они могли ужалить, а еще страшнее – проглотить, что останавливало покойника на его пути к бессмертию.

В «Роковых яйцах» змеи, крокодилы и страусы, вылупляющиеся из яиц, воссоздают

панораму книги древней цивилизации², а первая, самая крупная змея анаконда, встреченная Рокком и проглотившая его жену, очень напоминает «огромного змея Ререку, который жил в самой темной части Потустороннего Мира... имел множество обличей и множество имен, но самая ужасная из его форм называлась Апеп» (глава XXXIX). Стоит предположить, что в раме египетской магии именно Апеп является Персикову из сообщений газет:

«Персиков, разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, поднялся с табурета и, задыхаясь, начал кричать:

– Анаконда... анаконда... водяной удав! Боже мой! – в таком состоянии его еще никогда не видали ни Иванов, ни Панкрат.

Профессор сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побагровел страшным параличным цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами ринулся куда-то вон. Вопль разлетелся под каменными сводами института.

– Анаконда... анаконда... – загремело эхо.

– Лови профессора! – взвизгнул Иванов Панкрату, заплывавшему от ужаса на месте. – Воды ему... у него удар».

А теперь посмотрим на зоологическое описание этого вида змеи. Оно поможет нам лучше увидеть не только точность, с какой описывается охотничье поведение змеи, но и ощутить царящий в стране ужас, принимающий в повести характер литературной фантазмагии:

«Подобно всем удавам, анаконда неподвижно поджидает добычу, а когда та приблизится, хватает ее молниеносным броском и душит, обвив кольцами тела (вопреки распространенному мнению, анаконда, как и другие удавы, не раздавливает жертву и не ломает ей кости, а сжимает ее и не дает дышать, и та погибает от удушья). Как и все без исключения змеи, анаконда заглатывает добычу целой, сильно растягивая при этом пасть и глотку»³.

И еще:

² Подробнее о древнеегипетских представлениях о мире мертвых см.: [3] и другие издания.

³ Анаконда. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Анаконда> (дата обращения: 22.03.2018).

«Анаконда может извергнуть уже проглоченную пищу очень быстро, если ей угрожает какая-либо опасность или кто-либо нарушает ее покой, сообщает Digital Journal. В первое время после принятия пищи змея неповоротлива, а освобождение от «тяжести в животе» поможет ей вновь стать мобильной и быстро уползти»⁴.

Так булгаковский гений соединял в повести инсульт, экстраординарное видение, герпетологию, историческое лицо и египетскую инициацию. Не только прототип профессора Персикова (В.И. Ленин), но и другие прототипы: Рокка (С.С. Каменев), жены Рокка Мани (подвергшаяся репрессиям жена С.С. Каменева), Полайтиса (М.Н. Тухачевский), Шукина (А.И. Егоров), шофера, привезшего ящики (П.К. Ощепков), – все испытали на себе эти удушливые объятия змеино-партийной удавки И.В. Сталина.

Поэтому опыт с яйцами в показательном совхозе мог стать для его посвященного читателя, с одной стороны, аллегорией исправления политических ошибок, искупления политической и воинской вины, смыаемых собственной кровью и кровью своих семей (в образе Мани), с другой – злой карикатурой на троцкистский реванш, на еще одну попытку навязать идею мировой революции, с которой вновь пришлось бороться сообща – и армией (возглавляемой с 1925 по 1940 г. наркомом К.Е. Ворошиловым), и усилиями Первой Конной во главе с С.М. Буденным («конной громадой», «ставшей изнемогать» к концу 1930-х гг. в результате технической модернизации), и магией «Морозного бога на машине» – И.В. Сталина, уже в далеком 1920 г. сколотившего альянс – в то время с руководителями Первой Конной – С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым: все трое в польской войне пошли вразрез с указаниями Л.Д. Троцкого и С.С. Каменева.

С египетской «Книгой мертвых» Александр Семенович Рокк состоит в тесных отношениях не только через крокодилово-змеиную тематику – искусство быть растерзанным или проглоченным: в жизни его прототип таковым и стал. Сама память о нем и его деятельности, как мы сказали, подлежала уничтожению – искусству растаптывания и

стирания, а аллегорией растаптывания и стирания мог выступать страус из «Книги мертвых».

Кроме того, сказочной стороной страус мог ассоциироваться с «птенцом гигантского рока (руха, арруха)»⁵ из средневековых европейских легенд и сборника арабских сказок «Тысячи и одной ночи» (который упоминался выше). В 405-й ночи («Рассказ о яйце птицы рухх») съеденное мясо птенца, находящегося в гигантском яйце рока, возвращало старикам молодость и силы, а в 556-й ночи (из Пятого путешествия Синдбада) убийство такого зародыша служило причиной гибели мореплавателей от клювов взрослых особей; эти аллюзии, возможно, создавались мифологической памятью писателя-модерниста и увеличивали в повести мистериально-жертвенное начало.

Но самой интересной историей, связанной с птицей рок, можно считать сказку, рассказанную Шахерезадой в течение 543–545 ночей (Рассказ о втором путешествии Синдбада). В ней Синдбад, привязанный веревкой от тюрбана к ноге рока, попал в долину «горы алмазного камня», в место охоты птицы на «огромных змей с большим телом». Именно с этим эпизодом замечается наибольшее сходство булгаковского повествования. И изменения на солнце случаются схожие, и змеи на острове попадают размером с анаконду, и реакция от встречи с ними напоминает булгаковскую. Мы выделим те места в сказке Шахерезады, которые, по нашему мнению, являются важной составляющей «Роковых яиц». И хотя история путешествия Синдбада-морехода имеет национальные корни и уходящие в старину народные, прамусульманские представления арабов об аде и рае, она дает нам возможность взглянуть на содержание повести глазами того неповторимого страха и ужаса, каким наполнена волшебная сказка:

«Роковые яйца»:

«Сероватое и оливковое бревно начало подниматься из их чаши, вырастая на глазах. Какие-то мокрые желтоватые пятна, как показалось Александру Семеновичу, усеивали бревно. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и

⁴ Как анаконда за полторы минуты свою жертву выплевывала. URL: <http://news.ukrhome.net/content/17206073/> (дата обращения: 22.03.2018).

⁵ См. «Эфиопскую легенду о сыне Соломона и царице Савской» в [4].

вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву... Затем верх бревна надломился, немного склонился, и над Александром Семеновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его благодаря чешуйчатой татуировке. Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой. Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день, а перед глазами стало так сумеречно, точно он глядел на солнце сквозь летние штаны <...>

Рокк видел совершенно отчетливо: Маня стала желто-белой, и ее длинные волосы как проволочные поднялись на пол-аршина над головой (выделено мною. – В. К.).

«Рассказ о втором путешествии Синдбада»:

«...и вдруг солнце скрылось, и воздух потемнел, и солнце загордилось от меня. И я подумал, что на солнце нашло облако (а это было в летнее время), и удивился и поднял голову, и, посмотрев в чем дело, увидел большую птицу с огромным телом и широкими крыльями, которая летела по воздуху, – и она покрыла око солнца и загордила его над островом <...>

И вся эта долина была полна змей и гадюк, каждая из которых была как пальма, и они были так велики, что если бы пришел к ним слон, они бы, наверное, проглотили его <...>

И я осмотрелся в пещере и увидел огромную змею, которая лежала посреди нее на яйцах, и тут волосы встали дыбом у меня на теле, и я поднял голову и вручил свое дело судьбе и предопределению (выделено мною. – В. К.)»⁶.

С одной из таких сказочных историй коннотирует, видимо, и «капитан дальнего плавания и сотрудник газеты «Вестник промышленности» при совете народных комиссаров» В.М. Степанов; настоящая, массовая гибель его партии старых большевиков-мореплавателей от клюва, когтей и крыльев гигантского рока обыгрывается М.А. Булгаковым в 7-й главе, с характерным названием «Рокк». В ней писатель гротескно-аллегорически маркировал историческую работу «чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной чумой», «переименованную в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике».

⁶ Рассказ о втором путешествии, 542–546 ночь // Тысяча и одна ночь. URL: <https://besedinpawel.ru/rasskaz-o-vtorom-puteshestvii-542-546-noch/> (дата обращения: 21.03.2018).

чайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике», «пополняющуюся новой чрезвычайной тройкой, в составе шестнадцати товарищей». Для введения в заблуждение советской цензуры полицейский подтекст М.А. Булгаков затушевывал – «шестнадцатью товарищами» в 1925 г., в год первой публикации повести, называлось «Общество шестнадцати», объединившее художников «разных направлений» после распада объединения «Мир искусства» в 1922 г., тем более, что в 1925 г., после трехлетнего функционирования нового общества, советская печать подчеркивала его полную идеологическую аморфность⁷. А вот во второй половине 1930-х гг. относительно нового состава «шестнадцати товарищей» вряд ли кто из советских людей мог заблуждаться. В метафоре «чрезвычайная тройка» содержался явный намек на «дело Троцкого–Зиновьева–Каменева», а «состав шестнадцати товарищей» намекал на самый громкий процесс, связанный с разгромом сталинской оппозиции.

Дело в том, что 19–24 августа 1936 г. произошла первая глобальная, образцово-показательная волна чисток партийных рядов, названная в истории политических репрессий в СССР Первым Московским процессом, или процессом «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». И касалась она самых «подлых убийц» и «гадин», «шпионов», «агентов Троцкого» и «гестапо», давно «пригревшихся» в партии Ленина–Сталина: Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева и других членов этого «центра». Это был первый открытый процесс, устроенный перед иностранными журналистами, как его тогда называли – «процесс 16-ти», сфабрикованный из ложных показаний и обвинений Прокуратуры СССР («чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной чумой»), передавшей 15 августа 1936 г. дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР («переименованной в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике»). В СССР процесс освещали официальные газе-

⁷ «Физиономия общества пестра. – Писал тогда журнал «Красная панорама». – Программа его еще не зафиксирована никакими декларациями» (Общество шестнадцати // Красная панорама. 1925. № 1. С. 9).

ты «Правда» и «Известия», да так, что «мороз пробежал по коже»: чудовищная вакханалия, поток лжи и клеветы захлестнули информационное пространство страны и мира. Сталинский натиск был настолько мощным и обескураживающим, что напрямую соотносился с аллегорической ситуацией в «Роковых яйцах». Вот как, например, описывается «процесс 16-ти» в исследовании В.З. Роговина:

«С этого дня (15 августа. – В. К.) в печати стали публиковаться многочисленные статьи и резолюции «митингов трудящихся», в которых не только говорилось о вине подсудимых как неоспоримо доказанной, но и фактически предreshался приговор над ними. «Смрадом бандитского подполья дышит на нас дело Троцкого–Зиновьева–Каменева. – Писала «Правда». – Гадина подползает к тому, что для нас дороже всего... Раскрыта связь зиновьевцев с заграничной контрреволюционной организацией Троцкого, систематическая связь с германской фашистской охранкой (гестапо)... Нет пощады, нет снисхождения для врагов народа, пытавшихся отнять у народа его вождей. Слово принадлежит закону, который знает только одну меру для преступлений, совершенных троцкистско-зиновьевской бандой». Подобная фразеология присутствовала и в «откликах» на сообщение о предстоящем процессе известных писателей, ученых, артистов и «знатных людей из народа».

<...> Суммируя наблюдения, содержащиеся в статьях присутствовавших на суде зарубежных журналистов, Л. Седов писал:

«Старики сидели совершенно разбитые, подавленные, отвечали приглушенным голосом, даже плакали. Зиновьев – худой, сгорбленный, седой, с провалившимися щеками. Мрачковский харкает кровью, теряет сознание, его выносят на руках. Все они выглядят затравленными и вконец измученными людьми. Молодые же... ведут себя бравадно-развязно, у них свежие, почти веселые лица, они чувствуют себя чуть ли не именинниками. С нескрываемым удовольствием рассказывают они о своих связях с гестапо и всякие другие небылицы» [5].

Конечно, как пронизательный и тонкий сатирик, находящийся под покровительством развязавшего этот процесс, М.А. Булгаков мог передать его только эзоповым языком, и вряд ли кто мог догадываться, что произведение, написанное якобы в 1924 г., кодировало сатиру на современность, тем более, что и те «неистовые ревнители пролетарской чистоты», уловившие антисоветские тенден-

ции в творчестве писателя и развязавшие кампанию травли в 1920-е гг. против него, готовились уже уходить, по образу и подобию М. Берлиоза из «Мастера и Маргариты», «в небытие»: Л. Авербах, Г. Лелевич, М. Лиров.

Все «16» участников «троцкистско-зиновьевского центра» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым были расстреляны по приговору 25 августа, и в тот же день, по странному стечению обстоятельств, бывший главком РККА С.С. Каменев умер от инфаркта, а буквально на следующий день, пренебрегая трехдневным сроком погребения, его тело кремировали и захоронили в колумбарии кремлевской стены.

Но история «типа» Рокка на этом не закончилась. Ввиду его символичности следует сказать несколько слов об одном небезызвестном деятеле ЧК – В.Н. Меркулове. Через два года, в сентябре 1938 г., из ЦК партии Грузии В.Н. Меркулов был вызван Л.П. Берией в Москву и принят на должность заместителя начальника ГУГБ СССР, в феврале 1941 г. стал народным комиссаром государственной безопасности СССР. После смерти И.В. Сталина его как пособника Л.П. Берии признали виновным в государственных преступлениях и расстреляли. Причем отношение к нему государственных органов не изменилось и в наши годы: Военной коллегией Верховного суда РФ от 29 мая 2002 г. Берия Лаврентий Павлович и Меркулов Всеволод Николаевич были признаны не подлежащими реабилитации⁸.

К повести «Роковые яйца» он не имел бы никакого отношения, если бы не одно «но». В истории советской драматургии В.Н. Меркулов оставил две пьесы, – одну, написанную в 1927 г., – о борьбе американских рабочих, вторую – «Инженер Сергеев» (о подрыве ГЭС в первые месяцы войны), созданную в 1941 г. под псевдонимом Всеволод Рокк⁹. Насколько случаен сам факт совпадения его литературной фамилии с фамилией нашего

⁸ Выписка из определения Военной коллегии Верховного суда РФ № бн-00164/2000 от 29.05.2002. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1021932/158/Suhomlinov_Kto_vy%2C_Lavrentiy_Beriya%3F_Neizvestnye_stranicy_ugolovnogo_dela.html (дата обращения: 21.03.2018).

⁹ Меркулов Всеволод Николаевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркулов,_Всеволод_Николаевич (дата обращения: 21.03.2018).

персонажа Александра Семеновича – судить сложно. Местонахождение текста первой пьесы в связи с его расстрелом и сменой власти в КГБ не установлено, время появления псевдонима выяснить невозможно.

Таким образом, тени главнокомандующего РККА С.С. Каменева и его ближайших сподвижников А.И. Егорова и М.Н. Тухачевского легли на весь дочерний сюжет, связанный с деятельностью протагониста А.С. Рокка в повести. Командармы, еще со времен Гражданской войны разошедшиеся во взглядах с И.В. Сталиным, стали прототипами персонажей булгаковской повести «Роковые яйца» и одновременно эстетическим заказом вождя.

Уничтожение политической оппозиции в лице их армейских представителей в 1930-е гг. потребовало нивелировки их военных заслуг и стирания памяти в сознании современников, чему послужили возможности сатирического искусства. Такими возможностями обладала скрытая карикатура, сотканная из театральных жанров фарса и буффа. Огромный литературный и мифологический контекст, фантастическая фабула, свернутый хронотоп перегрузили сознание читателя, создали текст суггестивного типа и способствовали хронологической мистификации.

Для писателя, состоявшего в прошлом в членах Белого движения, такой поворот дел оказался благоприятным фактором для сведения счетов со своими давними противниками, восхождения на литературный олимп и поправки своего материального положения.

Список литературы

1. *Голотюк В.* Ученый, конструктор, изобретатель... Он работал на «оборонку» даже в «шаражке» // Военно-промышленный курьер. 2008. 9 июля.
2. *Элиаде М., Кулиано И.* Словарь религий, обрядов и верований (Миф, религия и культура). М.: Рудомино; СПб.: Университетская книга, 1997. 415 с.
3. *Бадж Уоллис Е.А.* Путешествие души в царство мертвых. Египетская книга мертвых. М.: Изд-во Царева В.П., 2000.
4. *Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 383-390, 796.
5. *Роговин В.З.* 1937. URL: <https://profilib.net/chtenie/139760/vadim-rogovin-1937-lib-10.php> (дата обращения: 21.03.2018).

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.
Отрецензирована 15.05.2018 г.
Принята в печать 29.07.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С.С. Каменев и его окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 65-72. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72.

**“ALEKSANDR SEMENOVICH ROKK”: CHIEF COMMANDER OF THE WORKERS’
AND PEASANTS’ RED ARMY S.S. KAMENEV AND HIS SURROUNDINGS
IN THE NOVEL BY M. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The historical and political prototypes are the material for the creation of bright and memorable images in the novel by M.A. Bulgakov “Fatal eggs” are described: A.S. Rokk (chief commander of the Workers' And Peasants' Red Army S.S. Kamenev), Polaitis (Marshal M.N. Tukhachevsky), Shchukin (A.I. Egorov), “red-moustached driver” (a talented scientist-inventor, engineer of III rank P.K. Oshchepkov). We determine theatrical and genre sources that influenced the creation of images: mystery, farce, buffo, pantomime. The text satirical and grotesque nature the is investigated. In the framework of the farce and buffo the First Moscow process where the prototypes are is considered. The composition and genre issues are touched upon, the problem of attribution of the story is raised. To the source base of the work are added: occult novel by A. Crowley “Moonchild”, stories by A. Schnitzler “Rock”, U. Allen “Fatal Experience”, R. Market “Invention of Professor Carter”, R. Presber “Last Feast of the Last of Birkovich”, B. Lavrenev “The Child Gregory”. References to the iconic systems of the Egyptian “Book of the Dead” and the collection of Arab fairy tales “One Thousand and One Nights” are used.

Keywords: mystery; mistification; buffo; farce; narration; grotesque; S.S. Kamenev; M.N. Tukhachevskiy; A.I. Egorov; I.V. Stalin

References

1. Golotyuk V. Ucheniy, konstruktor, izobretatel'... On rabotal na «oboronku» dazhe v «sharazhke» [Scientist, constructor, inventor... He works for “defense” even in shady business establishment]. *Voенно-promyshlenniy kur'er* [Military and Industrial Courier], 2008, June 9. (In Russian).
2. Eliade M., Kuliano I. *Slovar' religiy, obryadov i verovaniy (Mif, religiya i kultura)* [Dictionary of Religion, Rituals and Beliefs (Myth, Religion and Culture)]. Moscow, Rudomino Publ., St. Petersburg, “Universitetskaya kniga” Publ., 1997, 415 p. (In Russian).
3. Badzh Uollis E.A. *Puteshestvie dushi v tsarstvo mertvykh. Egipetskaya kniga mertvykh* [Spiritual Wandering in the Underworld. Egyptian Book of the Dead]. Moscow, Tsarev V.P. Publ., 2000. (In Russian).
4. Veselovskiy A.N. *Merlin i Solomon: Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol'fe i Merline* [Merlin and Solomon: Slavic Stories about Solomon and Centaur and West Legends about Morolf and Merlin]. Moscow, EKSMO-Press Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2001, pp. 383-390, 796. (In Russian).
5. Rogovin V.Z. *1937*. (In Russian). Available at: <https://profilib.net/chtenie/139760/vadim-rogovin-1937-lib-10.php> (accessed 21.03.2018).

Received 20 April 2018

Reviewed 15 May 2018

Accepted for press 29 June 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Aleksandr Semenovich Rokk»: glavkom RKKA S.S. Kamenev i ego okruzhenie v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Aleksandr Semenovich Rokk”: chief commander of the Workers’ and Peasants’ Red Army S.S. Kamenev and his surroundings in the novel by M. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 65-72. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72. (In Russian, Abstr. in Engl.).